

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А. Н. САВИНА

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 мая 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается вклад профессора Московского университета А. Н. Савина в изучение и преподавание истории Англии в раннее Новое время. Ученый известен как один из крупнейших отечественных исследователей аграрной истории Англии. Иные направления его деятельности, в частности вклад в изучение политической истории Англии, до сих пор не были предметом специального рассмотрения.

Ключевые слова: российская научная мысль, историография истории раннего Нового времени, политическая история Англии.

Abstract: the article is considered the contribution of professor of the Moscow university A. N. Savin to studying and teaching history of England to early Modern times. He is well known with his agrarian history researches of England. Other directions of its activity in particular contribution to studying of political history of England, still weren't considered.

Key words: Russian scientific thought, historiography of the early Modern times, political history of England.

Имя выдающегося российского историка Александра Николаевича Савина (1873–1923) занимает почетное место в ряду представителей «русской школы» в изучении всеобщей истории, внесшей ценный вклад в изучение многих важнейших проблем истории западноевропейского Средневековья и Нового времени. Специалисты знают Савина в первую очередь как исследователя аграрной истории Англии, но ученый уделял внимание и политической истории стран Западной Европы, и истории политических учений и движений. Богатое научное наследие этого историка всегда привлекало и продолжает привлекать внимание историографов, но всесторонней и обстоятельной оценки оно до сих пор не получило.

А. Н. Савину принадлежит более ста работ, охватывающих разнообразные проблемы истории Западной Европы, но выбор доминировавшей среди его научных интересов тематики – аграрной истории Англии – был далеко не случайным. Во-первых, история этой страны привлекала российских ученых как контраст политическому режиму самодержавия. Во-вторых, на рубеже XIX–XX вв. стало ясно, что российской деревне придется «вариться в капиталистическом котле», что все надежды на особый путь развития России рухнули. Аграрный вопрос стоял в центре внимания российского общества, в исторической науке это выражалось в повышенном интересе к аграрной истории, особенно к Англии, где переобразование деревни под влиянием развивающегося

капитализма было особенно показательным. А. В. Савин так писал об этом: «Вопрос о жизнеспособности великорусской передельной общины после крестьянской эмансипации понятным образом волновал умы, пленял сердца, сплетался с жгучими вопросами об особенностях русской судьбы, об обходе злой страды капиталистического своекорыстия, о кратчайших стезях к высшему царству социальной справедливости, к ответственности за правильное решение» [1, с. 2].

В трудах российских и советских историков присутствуют отдельные замечания по поводу политических и философских взглядов А. Н. Савина, но они достаточно противоречивы. Так, в вышедшем в 1926 г. сборнике, посвященном его памяти, Савин представлен как «беспартийный ученый, стоявший выше всяких классовых интересов, исповедовавший чистый «научный реализм» в освещении исторических явлений» [2, с. 291]. Такая характеристика была возможна до перехода советской исторической науки на «единственно правильные» марксистские методологические позиции. Спустя двадцать лет в статье В. М. Лавровского в сборнике «Средние века» отмечено, что «Савин исходил в основном из той широкой и общей постановки проблем аграрной истории Англии, которая дана в XXIV главе “Капитала” К. Маркса» [3, с. 219]. Налицо попытка «породнить» взгляды ученого с марксистско-ленинской методологией. На самом деле Савин никогда не признавал себя сторонником исторического материализма. Безусловно, он не был марксистом, но всегда был близок к

идеям так называемого «экономического материализма», придавал первоочередное значение изучению экономической истории. В этом нашли выражение его глубокий реализм и политический радикализм.

Во второй половине XX в. освещение в трудах А. Н. Савина проблем аграрной истории Англии рассмотрела в кандидатской диссертации Н. М. Балалаева [4]. В одной из ее статей были затронуты и методологические аспекты творчества Александра Николаевича [5]. К исследованию методологических основ исторических взглядов А. Н. Савина одновременно с ней обратился Б. Г. Могильницкий [6]. Эта же тема была рассмотрена в статье А. Г. Глебова [7]. Обращает на себя внимание тот факт, что все авторы статей опираются на труды, посвященные главной исследовательской теме в творчестве Савина – аграрной истории Англии.

Цель настоящей статьи – рассмотреть творческое наследие А. Н. Савина как исследователя политической истории Англии в раннее Новое время, в частности в предреволюционный период, поскольку в круг его научных и преподавательских интересов входили, наряду с аграрной историей этой страны, проблемы ее политической истории.

Источниками написания статьи послужили лекционные курсы профессора, изданные по запискам слушателей. Каждая работа, за которую брался А. Н. Савин, была ли это лекция, популярная статья или рецензия, выполнялась им как исследование, основанное на исчерпывающем знании литературы и на глубоком и зорком проникновении в источники. За годы профессорства в Московском университете Савин создал более десяти специальных курсов, каждый из которых имел исследовательский характер. Среди них – «История Западной Европы XVI века», «История Англии в XVII веке», «Век Людовика XIV», «История Западной Европы в XIV–XV вв.», «Религиозная история Европы в эпоху Реформации» [8, с. 204]. Посмертно были изданы лекции по истории Английской революции [9]. Как отмечал ученик Савина, впоследствии академик, С. Д. Сказкин, семинары А. Н. Савина были также многообразны по темам, как и его лекции: от «Великой хартии вольностей» до Парижской Коммуны включительно. Ученого привлекали переломные моменты прошлого, времена острых столкновений социальных сил и политических интересов, глубоких потрясений во всех областях человеческой жизни. Таким переломным временем для Западной Европы стали XV–XVII вв., надолго определившие вектор будущего развития континента.

В 1908 г. вышла «История Англии в XVII в.», где с присущей ему тщательностью Савин рассмотрел изменения в английском обществе и государственном устройстве в предшествующий революции период. В

историографическом очерке, предпосланном работе, он попытался выяснить причины «отрицательного отношения ученых к предреволюционному периоду в истории страны и познакомить с тем, как постепенно отчуждение сменилось более спокойным отношением» [10, с. 12]. Ученый считал, что причины отрицательной оценки первой Английской революции кроются в исторических традициях английского общества, так как первой Английской революции предшествовал долгий период попыток установить в Англии порядки, близкие к континентальному абсолютизму. С прекращением династической борьбы Роз английское общество вступило в очень длительную полосу внутреннего мира, надолго утратило способность организованного и смелого сопротивления захватам и насилиям своих деспотически настроенных правительств. «Люди отвыкли от мысли, что можно восстать против гнета и насилий, боялись безначалия. Но недовольство, конечно, существовало, зрело, накапливалось и распространялось», – писал профессор. В этой работе Савин убедительно доказывает: для того, чтобы не потеряться в шумной и сложной борьбе середины XVII в. в Англии, нужно рассмотреть англичан XVII в., «войти в их душу, присмотреться к их убеждениям, идеалам, настроениям, уяснить основные черты окружавшей их обстановки» [там же, с. 81].

Он считал, что видным литературным выразителем политических идей был сам король Яков, первый Стюарт на английском престоле. Савин дает оценку личности Якова I: «Он не англичанин, он шотландец, и шотландец с исключительной биографией, сын католички Марии Стюарт и сомнительного отца, король, выросший в чувствах обиды, в борьбе с теократическими притязаниями кальвинистских священников и с классовыми притязаниями лордов, в мечтах об ожидающем его величии объединителя двух королевств» [10, с. 87]. Идеи первого Стюарта были действительно шире английских: он стоял на великобританской точке зрения. Яков медленно приспосабливался к английской обстановке. Вместе с ним в английскую политическую жизнь входит иностранная струя. А. Н. Савин считал, что Яков хотел занять такое же положение, как монархи континента, был ярким противником парламента, но мирился с ним как с неизбежностью [там же, с. 95]. В начале XVII в. Яков написал «Истинный закон свободных монархий», где, по мнению Савина, выложил все свои мысли: король выше закона, т.е. парламента, король – наместник Бога, лицо мистическое и, следовательно, право короля есть прирожденное право [там же, с. 97]. Исследователь уверен, что до конца своих дней Яков был убежден, что ему принадлежит та высшая форма государственного верховенства, которая стоит и над парламентом, и над общим правом, и это не-

смотря на то, что, приглядевшись к английской обстановке, Яков стал относиться к этим институтам с большим уважением. Савин считал, что англичанам XVII в. была ясна исключительность их политического положения. Глубокий консерватизм англичан очень резко сказывался на нежелании или неумении противопоставить абсолютистским теориям что-нибудь, кроме ссылки на историческую конституцию. Ученый считал: чтобы найти враждебную монархии теорию, нужно выйти за пределы Англии и вернуться назад к временам Елизаветы, вспомнить доктрину шотландца Бьюкенена («О праве монархии у шотландцев»), который был учителем Якова I [там же, с. 99]. Основной тезис Бьюкенена: источником правопорядка является народная воля, а народ – творец законов, и закон выше короля. По мнению А. Н. Савина, многие политические радикалы века соприкасались с идеями Бьюкенена, частично их заимствуя: общественный договор, народный суверенитет, служебная роль монарха. Однако Савин напоминает, что не нужно забывать, что даже резкие проявления оппозиционного настроения в предреволюционный период проникнуты значительно более благоприятным монархическим настроением и гораздо большей религиозностью. Представление о прогрессе чуждо даже самым смелым парламентским борцам 10-х и 20-х гг. XVII в., их взоры обращены к прошлому. А. Н. Савин замечает по этому поводу: «Они думают, что позади них сияет солнце свободы, бьет ключ политической мудрости, из которого они должны черпать в своей борьбе» [там же, с. 101]. Себя они стараются представить хранителями незапамятных национальных традиций, своих противников – новаторами и революционерами. Несомненно, считает ученый, эти восторженные поклонники незапамятной старины были плохими историками, так как они искали в прошлом не только то, что там было, но и то, что им хотелось найти. Их основные представления, по мнению исследователя, антиисторичны. Савин отмечает, что они легко переносили в прошлое то, что мечтали создать в будущем, а ведь идеал не становится фактом от того, что его помещают позади [там же, с. 103]. При этом ученый подчеркивает, что именно оппозиция 10–20-х гг. XVII в. начала смелую, широкую и трудную работу. «По существу дела, представители этой оппозиции были революционеры, – убежден Савин, – но они сами долго не осознавали всех последствий начатого ими дела». Он считает, что даже в самые острые моменты политической борьбы, в состоянии возбуждения, вожди парламентской оппозиции 20-х гг. никогда не позволяли себе нападать на личность монарха, в их речах и резолюциях нередко слышится мотив, напоминающий позднейшую конституционную доктрину: король не может быть неправ. Савин доказывает, что предреволюционный

период XVII в. отличается робостью и бедностью теоретической политической мысли, не окрашенной в абсолютистский цвет, и поэтому корни враждебных абсолютизму доктрин, которыми так богата английская политическая жизнь со времени великой гражданской войны, он советует искать прежде всего в религиозной жизни предреволюционного общества.

Таким образом, Савин приходит к выводу, что в 10–20-х гг. XVII в. начинают складываться основные идеологические течения в английском обществе, на которые оказывают большое влияние политическая и религиозная ситуация в стране. Среди этих течений можно выделить два основных: первое складывается вокруг короля, второе – вокруг парламентской оппозиции, т.е., сторонники и противники, хотя еще не столь решительные, абсолютизма.

Сторонники английского абсолютизма мечтали осуществить свою систему и в религиозной жизни общества. По мнению Савина, их идеалом была государственная церковь, силой привлекающая все население на свою сторону. Однако, полагает ученый, в церковной области «абсолютисты» встретили еще больше затруднений, чем в светской [10, с. 109].

Основы англиканства были заложены при Елизавете и перешли к Стюартам по наследству, напоминает профессор и доказывает, что английская церковь в конце XVI в. находилась в сильнейшем подчинении государству. Однако к началу XVII в. различные течения в англиканской церкви разошлись слишком далеко, и правительству пришлось выбирать между ними. Савин напоминает, что представитель новой династии решительно отказался от движения в сторону кальвинизма и торжественно заявил о том, что в епископальной церкви он видит опору страны. «Таким образом, официальная церковь поворачивается спиной к новым религиозным запросам. Теология сводится к усвоению казенных объяснений, к казенному вероучению», – констатирует Савин. Яков I запретил даже догматические споры. Нерасположение руководителей англиканской церкви к спорам о темных вопросах протестантского вероучения и вообще ко всяким ожесточенным догматическим препирательствам Савин объяснял полицейскими соображениями. Среди англиканских епископов при Якове I и особенно при Карле I все больше выделяется течение, которое стали называть англо-католицизмом. «Теологический догматизм кажется англо-католикам узким, вредным по своей нетерпимости. Англо-католики хотели возвыситься над богословскими спорами своего времени, они взывали к умеренности, терпимости, широте в догматических вопросах», – пишет Савин.

С тех пор как в епископской среде стали все чаще появляться люди с пуританскими тенденциями, епископы чаще и настойчивее производили церковно-по-

лицейские ревизии паствы: «Суды архидиаков последовательнее проводят систему сыска и доносов». К светским карам присоединяют духовное отлучение. Савин отмечает, что следят и за священниками; и главным орудием церковно-полицейского гнета была высокая комиссия, утвердившаяся при Елизавете; при Якове она расширила свои полномочия. Она отбирает детей у подозрительных, налагает штрафы, заключает в тюрьмы. Таким образом люди вгоняются в ограду государственной церкви, а непокорным грозили разорение, изгнание и тюрьма.

Англиканизм долго не встречает широкого и напряженного сопротивления. Савин доказывает, что дело здесь не только в подавляющем физическом превосходстве правительства, а в страхе и забитости населения: «Это результат того, что в Англии Реформация введена сверху, и особенно в глуши население еще долго сохраняло привязанность к католической богослужебной традиции» [10, с. 121]. Он добавляет, что в 20–30-е гг. XVII в. «большинство верующих не были заражены пуританским духом, а англиканская церковь таит в себе много послушных пуритан». Особенно много их в городе, и характерно, что пуританские настроения распространяются среди городских верхов. Он приводит пример неприязни многих денежных людей к государственной церкви: в 1625 г. в Лондоне было организовано общество, состоящее из двенадцати человек, принадлежащих к высшим и средним слоям. Целью этого общества было противопоставить политической мощи англиканского правительства мощь капитала. Члены этого общества скупали десятины и бенефиции, которые после возбужденного против них судебного преследования были переданы в распоряжение короны. Вывод А. Н. Савина однозначен: при таком положении дел денежные люди отворачивались от англиканской церкви и искали покровительства в других идеологических воззрениях: «Они ходят в кальвинистскую или лютеранскую церковь... им проповедуют иногда открытые пресвитериане или сепаратисты» [там же, с. 124]. Савин убедительно доказывает, что пуританские нормы подходили для людей с деньгами гораздо больше, чем англиканские, но добавляет, что пуритане предреволюционной поры по большей части оставались в государственной церкви, потому что мечтали очистить ее и боялись репрессий. Однако в XVII в. непрерывно росло число пуритан, которые потеряли надежду очистить государственную церковь. Ученый убежден, что религиозное движение сильно повлияло на политическую теорию и практику.

В XI главе «Истории Англии в XVII в.» рассмотрено английское общество. Савин считал «командующим классом» в начале XVII в. «породистых землевладельцев, средних и крупных». Он указывает, что

«джентльмены» очень сильны при дворе, в парламенте и в провинции. Английских «джентльменов» он называет «маховым колесом в провинциальной администрации» и подчеркивает, что «в отличие от Бурбонов Стюарты беспокоятся не о том, чтобы собрать дворян при дворе, а о том, чтобы удержать их на местах». «Когда дворяне в Лондоне, то в провинции недостаток управления» [10, с. 155], – пишет Савин. Он выделил фактор, ослаблявший социальную мощь джентльменов: разброд их по разным политическим и религиозным лагерям, который «отмечался задолго до того, как их раскол обнаружился в смуте 40-х годов». Описанные Савиным их провинциальные столкновения представляют значительный интерес как прецедент более крупной и решительной борьбы национального масштаба. Одновременно ученый подчеркивает такую черту английского дворянства, как умение приспособиться к новым хозяйственным условиям: «Джентльмены не обнаруживают дворянской брезгливости к торговле и ремеслу» [там же, с. 159]. Вывод ученого об участии дворянства в торгово-промышленной жизни страны очень важен, это говорит о жизнеспособности, пластичности этого слоя населения, о желании и умении приспособиться к новой обстановке. По его мнению, это помогает понять, как класс, расколовшийся в ходе революционной борьбы и подвергшийся сильному натиску враждебных ему политических и общественных сил, не только вернул свои утраченные на время позиции, но даже продвинул их вперед: «К началу XVIII века джентльмены стали хозяевами положения, надолго утвердили в парламенте свое господство» [там же, с. 176]. В то же время А. Н. Савин указывает, что «если мы можем представить себе положение джентльменов предреволюционной эпохи, то мы мало что можем сказать о других слоях деревенского населения» [там же, с. 188]. Историк, отвечая на вопрос, почему большой религиозный и политический кризис точно прошел мимо деревни, не всколыхнув крестьянской массы, отвечает сдержанным утверждением: «Сельское население времени Стюартов спокойно, потому что остается за пределами тогдашнего кризиса, живя старыми нормами» [там же, с. 191]. Он не говорит о полном благополучии, так как происходит разложение старого деревенского быта, распад общины, но все же «в начале XVII века большинство крестьян имели средние или крупные хозяйства с хорошо обеспеченными правами на землю».

Тщательно изучив английское государственное устройство начала XVII в., А. Н. Савин пришел к заключению, что, осуществляя свои широкие привязания, Стюарты нуждались в сложном административном механизме, в то время как «унаследованная от Тюдоров административная система

остаётся ещё в силе, отчасти расширяет свой персонал». Савин опровергает мнение современного ему английского историка У. Кеннингема о стройности стюартовской монархии, указав, что в системе центральных учреждений нет единства: «Некоторые учреждения соперничают друг с другом и руководствуются в своем соперничестве различными правовыми нормами». Опровергает А. Н. Савин и мнение о Тайном Совете как объединительной силе, сглаживающей противоречия системы, держащей в своих руках все нити управления. По его мнению, основные направления правительственной политики создаются не в пленарных заседаниях Совета, а в очень тесном кругу. Именно поэтому, считает Савин, многие высшие бюрократы смотрят на государственную службу как на источник обогащения. В качестве характерных особенностей английской жизни начала XVII в. Савин также указывает на то, что «местное управление почти ничего не стоит казне» и что «государство тратит сравнительно немного на военное дело». Из этого следовал вывод о том, что вплоть до революции абсолютизм Стюартов сохранял штатский, гражданский характер.

Темы, рассмотренные в лекционных курсах А. Н. Савина, сделанные им наблюдения и выводы стали важным вкладом в изучение истории Англии раннего Нового времени.

Воронежский государственный университет

*Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории средних веков и зарубежных
славянских народов*

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-14

ЛИТЕРАТУРА

1. Савин А. Н. Памяти М. М. Ковалевского / А. Н. Савин // Русские ведомости. – 1916. – № 70.
2. Памяти А. Н. Савина. – М., 1926. – 539 с.
3. Лавровский В. М. Манор Брамpton с XVI по XVIII век / В. М. Лавровский // Средние века. – 1946. – Вып. II. – С. 209–221.
4. Балалаева Н. М. Проблемы аграрной истории Англии XVI века и их освещение в трудах А. Н. Савина : дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Балалаева. – М., 1952. – 347 с.
5. Балалаева Н. М. К вопросу о мировоззрении А. Н. Савина / Н. М. Балалаева // Ученые записки Хабаровского педагогического ин-та. – 1958. – Т. 3. – С. 111–141.
6. Могильницкий Б. Г. К вопросу о методологических основах исторических взглядов А. Н. Савина / Б. Г. Могильницкий // Средние века. – М., 1959. – Вып. 16. – С. 102–124.
7. Глебов А. Г. Некоторые методологические аспекты работ А. Н. Савина по аграрной истории Англии / А. Г. Глебов // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX вв. – Воронеж, 1983. – С. 85–94.
8. Сказкин С. Д. А. Н. Савин / С. Д. Сказкин // Исторический журнал. – 1944. – № 7/8. – С. 39–42.
9. Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции / А. Н. Савин. – М., 1924. – 387 с.
10. Савин А. Н. История Англии в XVII в. / А. Н. Савин. – М., 1908. – 452 с.

Voronezh State University

*Afonushkina A. V., Candidate of the Historical Sciences,
Associate Professor of the Middle Ages History and Foreign
Slavic Studies Department*

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 224-75-14